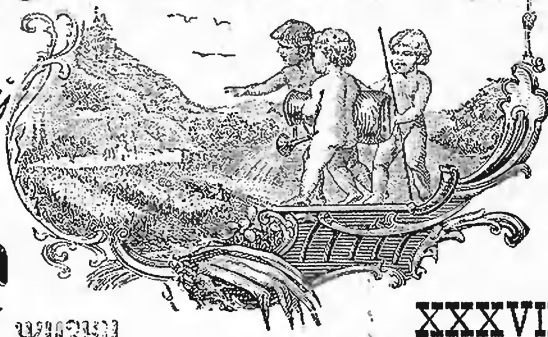

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVII г.

№ 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXXVII г.

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и К. М. СТАНЮКОВИЧА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложениій, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.
Выданъ 4-го марта 1906 г. Подписная цѣна съ доставк. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемесяч. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за мартъ 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1906 г. съ 35 рис. и отдѣльн. листъ съ 33 черт. выкр. въ натур. велич. и 39 рис. рукодѣльныхъ работъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 Г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Остальныя 30 книгъ полн. собр. сочиненій

и первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

Безъ достав- ки въ Петер- бургъ . . .	6. 50	Безъ достав- ки въ конторѣ Н. П. ПЕЧКОВСКОЙ, Петропавловскій линій.	7 р. 25 к.	Безъ достав- ки въ эк. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Римскій, 12.	7 р. 50 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	7. 50	Съ пересылкою во все мѣсто- сти Россіи. . .	8	За гра- ницу. . .	12 р.
---	--------------	---	-------------------	--	-------------------	--	--------------	---	----------	-------------------------	--------------

На томъ берегу.

Новелла нашихъ дней.

П. П. Гнѣдича.

I.
Буокен.—или какъ принято у насъ неправильно на-
зывать.—Буокса—самая красивая рыба въ Россіи, а мо-
жетъ-быть, и въ Европѣ. Ея свѣтлыя, прозрачныя, какъ

горный хрусталь, волны сплещутъ изъ горныхъ озеръ
такую уйму воды, что мѣстами, тамъ, гдѣ скалистыя
кручи не сжимаютъ ее, она разливается на версту и боль-
ше и затопляетъ веселые зеленые дуга, покрытые пе-

Милостивыя государыни и милостивые государи!.. Картина Ф. Реснера, грав. Кирмзе.

строй събью душистыхъ, яркихъ цвѣтовъ. Весною тянетъ съ берега ароматомъ первыхъ ландышей; потомъ—на смѣну имъ—поднимается сладкій запахъ клевера и земляники. Потомъ, пріятный, густой запахъ сѣна даетъ смѣшанный аккордъ вѣтхъ вянущихъ травъ и цвѣтовъ. Въ августѣ—идетъ землистый грибной духъ, когда приземистые, круглые бѣляки пробиваются на откосахъ своими круглыми головками внаружу. А вѣдѣ за ними поднимается легкій, несомлимый, но очаровательный запахъ лиственнаго перегноя осени,—когда опавшая пожелтѣвшая одежда деревьевъ шуршитъ жесткимъ шопотомъ при порывѣ вѣтра, и золотые листья молодыхъ березъ лежатъ по дорогамъ, какъ груды червонцевъ въ кладовыхъ скупого рыцаря—холодной осени.

Я люблю Финляндію за необъятный просторъ ея озеръ, за тихіе разливы сонныхъ заводей, за мощныя, вѣчно-зеленыя сосны и ели, за ея прозрачныя, опаловыя июньскія ночи,—когда въ полночь небо охвачено блѣдно-розовымъ пыломъ немеркнущаго заката, и на берегу, у теплой водной сырости, можно свободно читать, вслушиваясь въ таинственную, завороченную тишину, только изрѣдка нарушаемую крикомъ коростеля или всплескомъ крупнаго лосося.

Я люблю Финляндію глубокой зимой, когда она вся покрыта пушистымъ, ароматнымъ снѣгомъ. Этотъ снѣгъ при закатѣ горитъ на вѣтвяхъ елей и сосенъ, какъ расплавленное золото. Наверху, между чешуйчатыхъ шишекъ, прыгаетъ, раздувая вѣтромъ хвостъ, красавица-бѣлка. Лиса неслышно катится низомъ, поводъ своей остроносою хищною мордою. Гигантскій лось, съ цѣлымъ лѣсомъ вѣтвистыхъ роговъ, показываетъ свою допотопную морду изъ чащи молодой поросли. Заяцъ, какъ угорѣлый, мечется изъ-подъ ногъ и летитъ куда-то въ свое укромное логовище, прядая пушистыми ушами и дергая носомъ. Серебряные звонки мягкой трелью звенятъ на уздечкахъ мохнатыхъ коньковъ. Быстро мчатся на лыжахъ стройныя краснощекія дѣвушки въ короткихъ юбкахъ и сѣрыхъ ушастыхъ шапкахъ...

Страна молодая, просыпающаяся,—страна будущаго. Въ прошломъ—у нея только дѣтскія странныя сказки и саги дѣтства...

Въ одномъ изъ самыхъ очаровательныхъ уголковъ Буокси, тамъ, гдѣ она, дѣлая крутой заворотъ, омываетъ высокій утесъ, поросшій вѣковыми соснами и березами, изъ-за густой чащи деревьевъ высятся, ярко блестя посеребреннымъ наконечникомъ, острая игла. Иногда ей конецъ сіяетъ ослѣпительной звѣздочкой: это солнце играетъ на остріѣ громоотвода. Но что тамъ за зданіе, кто живетъ тамъ, и живетъ ли кто-нибудь—опредѣлить трудно, потому что зеленая заросль береговъ поднялась въ три яруса и закрыла обитель и отъ вѣтровъ, и отъ посторонняго глаза.

У самой воды, внизу, стоитъ чистенькій домикъ дворника. Его тоже обступили старыя березы. Каменная лѣстница ведетъ отъ дома и наверхъ куда-то, въ зеленую чащу, и внизъ, къ пристани, гдѣ на колыяхъ сушатся рыбацкія сѣти и стоятъ два челнока и бѣлая, какъ чайка, шлюпка. Изъ дворничьей неслышно выходитъ высокій усапый чухонецъ въ широкополой шляпѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ трубкой во рту, и, медленно поднимаясь по ступенямъ, уходитъ наверхъ. За нимъ бѣгутъ двѣ самофедскія лайки съ лисьими мордами,—и онъ, по вечерамъ посѣлъ ловли, кормитъ ихъ живыми пескарями. Отъ дворничьей тянется похъ лѣстницей телеграфная проволока, и иногда въ домикъ звонитъ условно колокольчикъ разъ, два и три.

На солнечномъ скатѣ горы, спускающейся къ полю, за высокой рѣшеткой раскинулся огородъ. Издали видны яблони, вишни: видны гряды, должно-быть, клубники. Иногда блестятъ стекла парниковъ, и что-то тамъ зреетъ. На зарѣ слышно, какъ поютъ на газные голоса пѣтухи,

и имъ гдѣ-то далеко черезъ рѣку откликаются зарѣчные соперники. Порою подбѣгаетъ къ берегу гигантскій догъ, входитъ по брюхо въ воду и шьетъ долго и со вкусомъ, звонко прищелкивая языкомъ. Въ определенный часъ, густымъ серебрянымъ призывомъ проносится голосъ японскаго гонга: кого-то зовутъ, кому-то напоминаютъ, что пора въ домъ. Въ тихій вечеръ слышны сухіе удары молотковъ крокета, иногда стукъ ручного топора и трескъ падающаго дерева. Порою раздастся рывъ свольверныхъ выстрѣловъ и отчетливый звукъ франкота—дальнобойнаго ружья.—Очевидно, чья-то жизнь тамъ теплится, хога ничьи лодки никогда не пристають къ берегу, гдѣ значится на большой доскѣ надпись по-фински: „входа нѣтъ“.

Я жилъ какось черезъ рѣку, противъ этого страннаго мѣста, и крутой мысъ все время былъ передъ моими глазами. Онъ имѣлъ странное свойство. Когда небо было пасмурно, и сырыя облака бѣжали надъ рѣкою,—онъ казался чернымъ, мрачнымъ, насушеннымъ,—и вороны съ особенной любовью кружились съ карканьемъ надъ нимъ и садились на вершины елей. Но стоило показаться солнцу, какъ тотъ же утесъ загорался праздничными красками. Молодая зеленъ порослей весело играла на фонѣ елей: разноцвѣтные блѣдные мхи, казалось, мягкими коврами прикрывали откосы, и песчаный берегъ дѣлался красноватымъ, а веселый лай собакъ говорилъ о томъ, что онѣ гдѣ-то тамъ играютъ и носятся другъ за другомъ.

Первыя свѣдѣнія о странномъ обиталищѣ я получилъ отъ Эвы, финки, что носила мнѣ землянику и немало говорила по-русски.

— Тамъ живутъ?—спросилъ я, указывая на утесъ.

— Та, сивутъ.

— Кто же?

— Не знаю.

— Вы не носите туда ягоды?

— Посу.

— Кто же у васъ ихъ беретъ?

— Рисула.

— Развѣ кромѣ прислуги никого нѣтъ?

— Коспотъ есть.

— А вы ихъ не видали?

— Нѣтъ.

— А домъ какой?

— Вилла. Собакъ много. Куръ много. Корова.

— А какъ фамилія господъ?

— Не знаю.

— Какъ же это мѣсто называется?

— Коскинемми.

— А зимой живутъ здѣсь?

— Нѣтъ, не сивутъ.

Вотъ все, что я узналъ на первый разъ,—недѣль черезъ двѣ послѣ того, какъ я поселился въ этомъ краѣ.

II.

Однажды, въ полночь, я сидѣлъ на камнѣ и стѣдилъ за игрою опаловыхъ пятенъ на небѣ и на водѣ. Будущая взглядомъ по берегамъ, вдругъ я замѣтилъ на лѣстницѣ, ведущей къ рѣкѣ, какую-то длинную бѣлую фигуру, въ чемъ-то въ родѣ савана, съ круглой бѣлой головой, медленно спускающуюся сверху. Фигура шла тихо, шагъ за шагомъ, не сбиваясь, какъ тѣнь Банко. Со мной былъ бинокль. Но и съ помощью его нельзя было разобрать, что это такое: въ сумеркахъ алой ночи вмѣсто лица казался какой-то желтый костыль съ двумя черными впадинами. Фигура спустилась къ шлюпкѣ. Слышно было, какъ щелкнулъ замокъ, какъ загромыхала брошенная на дно лодки цѣпь. Потомъ шлюпка отчалила, повернула и медленно, вдоль самаго берега поплыла куда-то вверхъ по теченью. Всплески весель становились все тише и, наконецъ, замолкли.

Послѣдъ каждый день привозилъ газеты. Я шелъ на станцію и тамъ неизмѣнно каждый день встрѣчалъ двор-

ямъ еще подошелъ третій, рѣзкаго кавказскаго

и, Арутинианцъ, куда?—спросилъ худосочный.
— Ахъ, милый другъ, куда и ты. Зачѣмъ глу-
прашиваешь?

Они понизили голосъ и заговорили шопотомъ. Я
осталъ, расплатился и вышелъ. Загадка оставалась за-
гадкой. Поѣздъ тронулся и, обгоняя меня, прокатилъ
мимо, все окутывая бѣлымъ душистымъ паромъ. Въ
Финляндіи еще не топятъ паровозовъ нефтью,—и воз-
духъ еще не зараженъ этой южной копотью.

У лодокъ мы почти сошлись. Солнце сѣло, и съ воды
поднимались сѣдые туманы. Онъ пошелъ впередъ меня,—
я саженьяхъ въ пятнадцати сзади. Берегъ еле видѣлся
въ клубовъ радужнаго пара. Чтобы не сбиться съ
пути и не попасть подъ пароходъ, мы шли зигзагомъ,
вдоль извилистой линіи береговъ. Мы слышали взаимно
шлепскъ напихъ весель, но шлюнокъ не видѣли,—такъ
густы и непрозрачны были эти испаренія.

Мы уже дошли до обрыва со старыми елями, когда
оба, словно по сигналу, перестали грести. Пронизывая
туманъ, чей-то чистый, высокій голосъ пѣлъ:

Ночь тепла,
Ночь тиха,
Не могу я уснуть...

Вдругъ чѣмъ-то старымъ, знакомымъ пахнуло на меня.
Четаніе звука и только-что видѣннаго лица моего со-
да слилось въ одно,—и я, неожиданно самъ для себя,
кликнулъ:

— Дефлорьс!

IV.

припомнилось мнѣ вотъ что.
Бѣтъ двадцать назадъ, подъ вечеръ, на югъ Россіи,—
я на тройкѣ, думая къ ночи добратъ до своего
пріятеля. Вдругъ налетѣла гроза, да съ такимъ
силой, что дорога сразу превратилась въ рѣчку. Изъ
лодки мы перешли на рысь, потомъ на шагъ, на-
конецъ стали.

Вотъ одинъ результатъ,—заявилъ мнѣ ямщикъ:—
Федоръ Адамычу ѣхать!

— Какому Федоръ Адамычу?

— Господину Каплѣ.

— А гдѣ же живетъ Капля?

— А вона заборъ и тополя,—это ихняя усадьба.

— Да я его не знаю.

— Ничего не значить. Онъ человѣкъ обстоятельный,
и даже имъ будетъ пріятность.

— Какъ фамилія?

— Капля. Просто Капля,—и все тебѣ.

Въ это время огненный змѣй гдѣ-то съ трескомъ вон-
зился въ землю, и точно сорокъ бочекъ сразу разорва-
лось на части. Лошади шархнулись въ сторону...

Я велѣлъ везти къ Каплѣ.

Флигелькъ былъ малообшарпанный, одноэтажный,—но
стоялъ на огромномъ дворѣ и былъ окруженъ цѣ-
лой стайей служебныхъ построекъ. Навстрѣчу выскочилъ
рыій казачекъ.

— Нельзя ли бурю переждать?—спросилъ я.

— Можно.

— Ты барину доложи.

— Можно. Входите, что ли, въ прихожую.

Я былъ сравнительно сухъ, такъ какъ коляска по-
му-то на этотъ разъ обладала крѣпкимъ кожанымъ
покрытиемъ. Ямщикъ пошелъ въ комнаты съ моей кар-
точкой и сейчасъ вернулся.

— Просить.

— Это домъ господина Капли?

— Нѣтъ-съ, это домъ садовника, а живетъ здѣсь
Федоръ Адамычъ, потому что домъ господскій сгорѣвши.

Я вошелъ въ большую комнату, переполненную дива-
нами и шезлонгами; навстрѣчу мнѣ поднялась
фигура въ черкесскомъ беннетѣ, съ черной

бородицей, широкими вериновыми бровями и сочными
красными губами.

— Вымокли?—добродушно сказалъ онъ, и я почув-
ствовалъ, какъ рука моя очутилась въ огромной теплой
лапѣ.—Очень радъ. Помѣщикъ Капля... Садитесь. А мы
тутъ въ безикъ дуемся.

Противъ него сидѣлъ широколобый малый лѣтъ три-
дцати, въ мостриновомъ пиджакѣ и бритый, какъ актеръ.
Онъ посмотрѣлъ на меня, но не поклонился, а только
высморкался въ желтый платокъ. Хозяинъ тоже не зна-
комилъ меня, а повторилъ:

— Садитесь.

Я сѣлъ на диванъ подъ зеркало и увидѣлъ, что
стою, за которымъ они сидѣли,—былъ весь инкрусти-
рованный, XVIII вѣка.

— Вы извините, мы сейчасъ кончимъ и будемъ ужина-
ть,—продолжалъ Капля.—На столикъ смотрите? Да,
это еще моего дѣда,—вещица на совѣсть... Ну-ну, ше-
велись, monsieur Дефлорьс! Вы не знакомы? Познакомь-
тесь.

Дефлорьс посмотрѣлъ на меня, какъ попугай, однимъ
глазомъ и шаркнулъ подъ стуломъ ногами.

— Будемъ ужинать,—продолжалъ Капля.—потомъ хо-
тите—почуйте, хотите—уѣзжайте. У меня все равно, что
постоялый дворъ. Вы изъ Петербурга? Подлый городъ.

Я спросилъ, почему подлый.

— Тамъ вся моя родня.

Аргументъ былъ довольно вѣскій.

— А вотъ у жены—вся родня въ Москвѣ. Тамъ еще
подлѣе. Только о молнѣ думаютъ. У васъ бюрократы, а
въ Москвѣ толстосумы.

— А здѣсь въ городѣ одни идиоты,—подтвердилъ
м-р Дефлорьс:—кретины, толстосумы.

— Играй, играй, не разговаривай,—остановилъ его
хозяинъ.—Начнешь острить—точно пробкой по стеклу
водишь, такъ же смѣшно.

— Да я вовсе не острою,—обидѣлся бритый.

— Торопись, торопись,—гостя кормить надо. Оеудлка!
Оеудлка!—вдругъ грянулъ хозяинъ такимъ голосомъ, что
стекла звякнули.

Казачокъ просунулъ голову въ двери.

— Чего?—спросилъ онъ.

— А вотъ того. Скажи барынѣ—проѣзжій изъ Пе-
тербурга. Если она хочетъ на него посмотрѣть, пусть
приходитъ, или его къ себѣ беретъ. Да вели въ лѣдъ
шампанскаго поставитъ на радости.

— На какихъ радостяхъ?—освѣдомился я.

— А вы пріѣхали,—какъ же не радость.

— Какая же это радость?

— Ну, все-таки...

«И будешь ты парницей міра!..»

— вдругъ запѣлъ онъ, и даже не фальшивя.—Что, братъ?
Не везетъ? Всегда не везетъ!..

«И будешь ты парницей міра!..»

Такъ-то матушка, такъ-то... У меня вѣдь голосъ боо-оль-
пущій,—меня все на спену зовутъ.

— Ну, и что жъ?—спросилъ я.

— Ахъ очень я волосать, никакой гримъ не возьметъ.

— Вамъ бы въ протоѣяконы,—замѣтилъ Дефлорьс.—

У васъ хорошо бы выходило. Кверху шло бы спиралью,
потомъ въ куполь бы ударилося, а оттуда мелкими пташ-
ками, мелкими пташками такъ и посыпалось бы.

V.

Вошелъ казачокъ и предложилъ мнѣ идти къ барынѣ.

— А какъ зовутъ барыню?—спросилъ я его по дорогѣ.

— Эмилія Павловна.

— Нѣмка?

— Нѣтъ: онѣ не нѣмка... А такъ... неизвѣстно.

На видъ небольшой, домикъ гнѣздылъ въ себѣ необъят-
ное количество комнатъ. Должно-быть, онѣ шелъ фа-
садомъ внутри сада. Мы прошли столовую, всю въ старин-

ныхъ буфетахъ, заставленныхъ серебромъ, и вошли въ бѣлую залу, посрединѣ которой стоялъ рояль.

— Эдѣсь садовникъ жилъ? — удивился я.

— Отъ тамъ, — объяснилъ казачокъ, мотнувъ головой назадъ: — а это весной пристроили.

— А отчего ты хромаешь? — спросилъ я.

— Лошадь укусила.

— Съ чего же это она?

— Баринъ на кордѣ въ манежѣ гонять и велѣлъ мнѣ сѣсть, чтобъ я лошадей не боялся, и ноги подъ брюхомъ связалъ... А она, подлая, какъ хватить...

— А у васъ манежъ?

— Да, у насъ семьдесятъ лошадей... Заводъ.

Въ маленькомъ будуарчикѣ, обитомъ турецкой матеріей, сидѣла крохотная женщина лѣтъ восемнадцати, съ черными усиками на верхней губѣ и въ какомъ-то японскомъ керимонѣ.

— Вотъ онѣ, — сказалъ казачокъ.

Не знаю, къ кому относилась эта рекомендація, ко мнѣ или къ хозяйкѣ; но онѣ повернулись и ушли.

Хозяйка посмотрѣла на меня внимательно, встала съ тахты, протянула руку и сказала:

— Ну, вотъ...

Потомъ она засмѣялась и пригласила:

— Сядьте.

Я посмотрѣлъ, — сѣсть было негдѣ; всѣ стулья и табуреты были заняты книгами: она ихъ, очевидно, разбирала.

— Садитесь рядомъ, — проговорила она и сама сѣла, поджавъ ноги. — Я грозы боюсь, такъ у меня лампы горять и гардины спущены. У меня пишки на вискахъ напухаютъ, когда гроза начинается, — и такъ тяжело-тяжело. Вы почувствуете?

Я сказалъ, что не знаю, что все зависитъ отъ погоды, что вообще мнѣ такъ неловко, и что я извиняюсь.

— Это вы бросьте, — сказала она. — У насъ не извиняются. Комнатъ много, — хоть цѣлую роту можно помѣстить. А вотъ прежде былъ домъ, что сгорѣлъ, тотъ, знаете, былъ такой большой, что тамъ цѣлый батальонъ помѣстился бы.

— А отчего онъ сгорѣлъ?

— Да такъ сгорѣлъ... Отъ печки. Стрекнуло, и загорѣлся. Понугай сгорѣть. Его больше всего жалко.

— Хорошій былъ?

— Да. Все говорилъ: „охъ, господа, не зарывайтесь, какъ бы не плакать“. Такой смѣшной. А сгорѣлъ, — мы всѣ плакали.

— И мужъ вашъ?

— Нѣтъ, онъ не плакалъ. А казачокъ плакалъ, и Приска.

— Какая Приска?

— Я изъ Тифлиса привезла горничную.

— А вы тифлисская?

— Да. У меня отецъ тамъ и посейчасъ живъ. Онъ музыкантъ.

— И вы музыкантша?

— Нѣтъ, я пою. Единишка пріѣхала къ намъ по дѣламъ и у мамы пѣнью училась. Мама у меня mezzo-soprano. А потомъ меня увидѣлъ, — я въ гимназію ходила, и сдѣлать предложеніе. Онъ такой большой, — такая маленькая. Мамама говоритъ: да вѣдь вы подъ руку ходить не можете. А онъ говоритъ: и не надо, — я ее на рукахъ носить буду. Папа тоже не хотѣлъ. Тогда я изъ окна выглянула, онъ меня посадить въ фэатонъ и въ Душетъ увезъ, тамъ и вѣнчались. А потомъ мы пріѣхали назадъ. Папа у меня строгій, кричать на насъ началъ, а Единишка вдругъ хватилъ ладонью по столу и завопилъ: — „Помолчите одну минутку“. И мамама визжать перестала. А Единишка и говоритъ: „Олухи вы царя небеснаго: вѣдь я богаче всѣхъ вашихъ армяшекъ. Вѣдь у меня три имѣнія да два милліона денегъ“. — Ну, и всѣмъ весело стало, и шампанское начали пить. Три дня свадьбу праздновали, — дымъ шелъ коромысломъ.

Ну, а потомъ сюда пріѣхали. Кажется, я все рассказала... Теперь вы рассказывайте.

— Да что же мнѣ рассказывать?

— А вотъ, какъ вы попали сюда.

— Ъхалъ къ Камышлову, непогода застала, ямщикъ уговорилъ къ намъ заѣхать.

— Камышловъ — онъ красивый, — замѣтила она: — только мало въ немъ мужчины. Все что-то жеманится... Не люблю такихъ.

Въ сосѣдней комнатѣ забренчали тарелки.

— Вотъ и ужинъ накрываютъ, — обрадовалась она. — Васъ занимать не надо будетъ.

— Да вы не трудитесь.

— Единишка велѣлъ... А я тутъ книги разбирала. Я очень французскіе романы люблю. Я и по-итальянски хорошо говорю. Моя мамаша итальянка. Я похожа на итальянку?

— Да, пожалуй.

— У меня ротъ большой, какъ у всѣхъ итальянокъ. Когда пою, развѣваю его такъ, что страшно дѣлается.

Казачокъ появился въ дверяхъ.

— Сами въ кладовую пойдете? — въ полъ-оборота спросилъ онъ.

— Извѣстно, сама! — откликнулась она. — А то опять вы стянете банку чернослива, какъ прошлый разъ.

— Ужъ и банку, — проворчалъ онъ.

— Вы пойдите одни, — сказала она, спрыгивая съ дивана. — Можетъ, мыться хотите? Едудлка, вы бы свели его въ угловую, а я пойду съ Приской. Да посмотрите, все ли тамъ на мѣстѣ.

VI.

Едудлка опять меня повелъ куда-то въ бокъ. Мы вышли на открытую галлерею. Почти совсѣмъ стемнѣло, и дождь урчалъ по желобу съ ожесточеніемъ. Молнія вспыхивала протяжно, точно вздыхала. Громъ гремѣлъ нехотя, иногда задумываясь и потомъ съ трудомъ дотягивая свой раскатъ. Теплая благоуханная сырость стояла во всѣхъ углахъ галлерей.

— Теперь надолго зарядить! — сокрушенно замѣтила Едудлка про дождь.

— Почему надолго? — спросилъ я.

— Да пузыри на лужахъ стоятъ. Это ужъ примѣта извѣстная.

Въ комнатѣ, которая въ самомъ дѣлѣ была угловой, потому что въ ней съ двухъ сторонъ чернѣлись окна, стояла старинная кровать красного дерева съ золотомъ, соломенныя ширмы, и на стѣнкѣ была литографія вихрастаго господина съ четырьмя котильонными звѣздами, лентой и съ подписью по англійски: „Принцъ-регентъ Георгъ“. Какъ онъ сюда попалъ — невѣдомо.

Я умылся съ помощью Едудлки, соединявшаго въ себѣ проворство съ необычайной мрачностью, такъ что я даже справился, въ порядкѣ ли у него желудокъ.

— Чего желудокъ! — огрызнулся онъ. — Гоняютъ, какъ собаку, весь день. Спишь походы.

Чтобъ онъ смягчился, я далъ ему рубль. Но это не помогло. Онъ сунулъ бумажку въ шаровары и даже не поблагодарилъ.

— А только ежели почевать останетесь, — сказала онъ: — такъ я васъ въ китайскую комнату сведу.

— Зачѣмъ въ китайскую?

— А тутъ блохи.

— Кто-жъ ихъ развелъ?

— Да кто ихъ знаетъ... А въ китайской полковникъ стоялъ, такъ персидской ромашкой ихъ вывелъ. Плотный.

Онъ усмѣхнулся и неодобрительно повелъ носомъ.

Въ комнату вѣща борзая и равнодушно на меня посмотрѣла своими глупыми глазами.

— Вотъ она, подлая, въ этой комнатѣ на кровати спать, — сообразилъ онъ. — Чѣмъ въ окно прыгаетъ. Ужъ съ нея шкуру за это съчтутъ, — а она опять...

Вдали свистнули, сука быстро повернулась и бросилась на зовъ.

— Альма!—ревѣлъ вдали Оединька:—иди сюда. Альма!

— А это кто бритый? Какъ его,—Дефлоръ?

— Онъ изъ поповичей.

— Не актеръ?

— Съ женой познакомились? — спрашивать онъ на ходу. — Все на сцену просится. Я такую сцену ей покажу! Небойсь, я самъ на сцену не хотѣлъ бы?.. Однако не иду. Впрочемъ, голосъ у нея хорошій.

Въ столовой былъ накрытъ столъ на четверыхъ. Онъ сверкалъ и сіялъ хрустальемъ и серебромъ,—точно сва-

На стражѣ. Картина Карла Циммермана. гравюра Гедана.

— Можетъ, и актеръ. Господскаго мало. Такъ — шарлатанъ, художникъ какой-то.

Раздались шаги, отъ которыхъ трещали и гнулись половицы.

— Готовы?—забасилъ Капля. — Ну, и ладно, — пойдете за трапезу.

Онъ взялъ меня подъ руку — и опять запѣлъ:

Тебя я, вольный сынъ афира,
Возьму въ надзвѣздные края...

Онъ повлекъ меня въ столовую.

добный миръ. Пудовыя канделябры горѣли на буфетахъ. Хозяйка была уже тутъ, и тутъ же вертѣлась Приска, шлепая босыми ногами по полу.

— Миль! наливай! — скомандовалъ Оединька.

Эмилія взяла граненый графинище и наполнила изъ него какой-то желтой жидкостью серебряныя дѣдовскія чарки, — въ каждую изъ нихъ входило по доброму стакану.

— Выпьемъ за свое здоровье! — продолжалъ хозяинъ. — Господи, благослови!

Онъ втянулъ въ себя воздухъ и сказалъ:

Царь Освободитель. Къ 25-лѣтію дня мученической кончины.

— Не обожгитесь.

— Да, зелье!—подтвердил Дефлорье, потирая руки и запуская один глаз в чарку.

Я попробовалъ, — въ самомъ дѣлѣ это было что-то обжигающее. Кожа на губахъ стягивалась отъ одного прикосновенія.

— Пить, ужъ вы не задумывайтесь!—предупредилъ хозяинъ.—Я очень васъ объ этомъ попрошу.

И онъ шагнулъ ко мнѣ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что мнѣ ничего больше не оставалось, какъ опшарить себя горло. Свѣчи даже какъ-то завертѣлись передо мной, какъ отъ удара землетрясенія.

— Повторять не будемъ,—предупредилъ Оединъка:—

а вотъ я вамъ рекомендую теперь донеской икоркой. Амброзія!

— Да, это я вамъ скажу!—опять подтвердилъ флорье.

— Борщокъ несутъ, борщокъ несутъ,—запѣлъ Купля:—борщокъ, борщокъ несутъ!.. Ну, садѣмъ. Господи, благослови!

Онъ широко перекрестился, отодвинулъ дубовый стулъ и грузно на него опустился.

— Итакъ, гость дорогой,—сказалъ онъ:—чѣмъ Богъ послать, не осудите. — Милка! слѣди, чтобъ онъ ѣлъ и пилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Царь-Освободитель.

1 марта 1881 г.—1 марта 1906 г.

(Портретъ на стр. 137).

1 марта исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ со дня мученической кончины Царя-Освободителя.

Многіе петербуржцы, навѣрное, до сихъ поръ ясно помнятъ этотъ день, это ужасное «первое марта», послѣ котораго не только газеты стали выходить съ траурной рамкой, но траурная кайма легла вокругъ всѣхъ проявленій общественной и государственной жизни и отдѣлила черною рѣзкою гранью начавшійся было общественный подъемъ и расцвѣтъ отъ послѣдовавшей затѣмъ реакціи.

Трагическая кончина императора Александра II какъ громомъ поразила всю Россію. Слишкомъ чудовищно, слишкомъ варварски жестоко было сраженіе оного, и общественная мысль долго не могла освоиться съ фактомъ такого безпримѣрнаго посягательства. Благодаря насильственному перерыву жизни Александра II, почти всѣ его начинанія остановились въ своемъ развитіи, и естественный ростъ реформъ надолго задержался. Задержалось и участіе народа въ управленіи страной, участіе, которое было близко къ осуществленію уже тогда, во которое мы получили лишь 17 октября истекшаго года. Задержалось развитіе аграрной реформы, въ сущности, только начатой въ 1861 году. Задержалось и многое другое изъ того, что было такъ блестяще начато въ царствованіе Царя-Освободителя. Много великаго зла принесли Россіи его трагическая, насильственная кончина!

Если мы окинемъ взоромъ исторію Россіи, начиная съ Петра Великаго, то трудно будетъ найти другую эпоху, болѣе богатую внутреннимъ содержаніемъ, чѣмъ эпоха царствованія императора Александра II.

Бывали въ нашей исторіи моменты яркаго творчества, моменты эффектныхъ апогеевъ, но то были преимущественно внѣшніе эффекты, чаще всего освѣщенные кровавымъ заревомъ войнъ. Немало такихъ эффектовъ было въ царствованіе Екатерины II, затѣмъ въ эпоху французскаго нашествія. Съ внѣшней стороны Россія тогда торжествовала, но внутри ея, въ ея сердцѣ было тихо и мрачно. Народъ безмолвствовалъ, сердце его билось едва слышимымъ темпомъ, онъ почти не принималъ участія въ жизни страны, потому что былъ придавленъ вѣковыми рабствомъ, голодаемъ духовно и тѣлесно и пребывалъ въ вѣковой спячкѣ.

Но вотъ прогремѣла несчастная, хотя и поэтически-геройская осада Севастополя. Общественное сознаніе, получившее, благодаря этой войнѣ, изрядный толчокъ, встрепенулось. Поднялись новые запросы, началась впервые на Руси общественная перестройка цѣнностей. Сердце народа забило сильнѣе.

Тогда-то и взмогъ на тронѣ императоръ Александръ II. Одаренный необычайно мягкимъ сердцемъ и чуткою душою, воспитанный такихъ гуманныхъ, такихъ превосходныхъ педагоговъ, какъ К. К. Мердеръ и В. А. Жуковский, молодой государь ко времени своего востесанія на престолъ имѣлъ уже ясное понятіе и о своемъ царственномъ долгѣ, и о состояніи своихъ подданныхъ. Много пользы въ этомъ отношеніи принесли ему его путешествія по Россіи и по Сибири, которыя онъ предпринималъ въ сопровожденіи Жуковскаго, еще будучи наслѣдникомъ.

Ясное понятіе о запросахъ и нуждахъ народа и отзывчивое, горячее сердце помогли ему вѣрно опредѣлить потребности вещей. Государь сразу и безъ обиняковъ пошелъ наперѣкъ рожденію обществу общественному сознанію. Оно—это сознаніе—потребовало реформъ, т. е. переработки внутренней жизни государства на новыхъ гуманитарныхъ началахъ,—и государь рѣшилъ дать такіе реформы.

Вспомнимъ хотя бы въ краткомъ перечнѣ, что было сдѣлано въ Россіи при императорѣ Александрѣ II.

Освобожденіе крестьянъ, реформа суда, городское и земское самоуправленіе, реформа военная, введеніе всеобщей воинской повинности, университетскій уставъ 1864 года. Всѣмъ совокупности всѣ эти повизны, прямо-таки, кореннымъ образомъ измѣнили внутреннюю жизнь государства. И что всего важнѣе, измѣнили ее безъ тѣлѣхъ потрясеній, безъ междоусобной борьбы!

Возьмемъ хотя бы крестьянскую реформу. Одна она была въ состояніи обезсмертить царствованіе Александра II—до того величаво и грандіозно было ея выполненіе!

Крестьянское иго давно уже было злокачественнымъ паритомъ на тѣлѣ Россіи, и къ нему, прямо-таки, боялись подойти. Воля Екатерины II, Александра I и Николая I тѣсно разбивалась при попыткахъ вскрыть его. Боялись возмущенія, вѣдѣли въ крѣпостномъ правѣ какіе-то неприкосновенные устои, которые,—если толкнуть ихъ,—увлекутъ въ бездну всю Россію. Теперь, когда мы давнымъ-давно привыкли къ новому порядку вещей, все это кажется страннымъ и смѣшнымъ, но тогда такіе взгляды были достояніемъ именитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей въ Россіи—и бороться съ ними было весьма затруднительно.

И тѣмъ удивительнѣе, что дѣло крестьянской реформы прошло, сравнительно, очень быстро, прямо, съ неслыханной для того времени быстротою. Въ 1856 году были впервые учреждены комитетъ по крестьянскому вопросу, а въ 1861 году уже раздался по всей Россіи знаменательный слова манифеста: «Осѣни себя крестьянъ знаменіемъ, православному народу!..» Въ пять лѣтъ была проведена колоссальная реформа, обновившая весь внутренній, частно-правовой строй въ государствѣ. И мы прекрасно знаемъ, что если бы не настойчивость и энергическая воля государя, то и крестьянская освободительная реформа затянулась бы, Богъ знаетъ, на сколько лѣтъ! Только ему одному, да его знаменитымъ сотрудникамъ, Ростовцеву, Ланскому и великому князю Константину Николаевичу русскій народъ обязанъ такимъ быстрымъ и радикальнымъ разрѣшеніемъ крѣпостного вопроса!

Освобожденіе крестьянъ было великою социальною реформою: оно создало для русскаго общества нѣсколько миллионъ новыхъ людей, которые до того времени были не людьми, а вещами. Оно возвысило и утвердило личность въ государствѣ, потому что общественное сознаніе, будучи свидѣтелемъ грандіознаго раскрѣпощенія миллионъ людей, невольно обратило вниманіе на нихъ, какъ на обладателей отдѣльнаго гражданскаго «я», и поэтому значеніе всякаго человѣческаго «я» сразу поднялось и выросло въ напѣмъ обществѣ.

А наряду съ такимъ возвышеніемъ отдѣльной личности началось развитіе коллективной личности: стала создаваться общественность. Этому способствовали дальнѣйшія реформы Александра II—новый судъ, общественное самоуправленіе, понятіе народнаго образованія, общія повинности.

О судебныхъ уставахъ 1874 года написаны цѣлые трактаты, и трудно сказать что-либо новое объ ихъ чисто-юридическомъ значеніи. Но можно многое сказать объ ихъ общественномъ значеніи.

Вмѣсто того, чтобы прятаться въ тайникахъ канцелярій и измѣтѣ дѣло лишь съ бумагами, судъ вышелъ въ народные залы публичныхъ засѣданій и сталъ обращаться къ живымъ людямъ: присяжнымъ засѣдателямъ, подсудимому, защитнику, гражданскому истцу. И этимъ обращеніемъ къ живому объекту, этимъ выходомъ въ общество новый судъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая реформа, послужилъ къ развитію общественности. Главнымъ образомъ слѣдуетъ сказать это относительно суда присяжныхъ, который возникъ впервые тогда въ 1874 году, и который впервые привлекъ къ общественно-государственной дѣятельности отправленія правосудія простыхъ людей изъ общества.

Точно такъ же подняли общественность и дали выходъ общественнымъ творческимъ силамъ и реформы по городскому и земскому самоуправленію и по народному образованію. Такъ, напримѣръ, университетскій получивъ по новому уставу 1864 года порядочную долю автономности.

Такое же объединяющее и широкое общественное значеніе имѣла и всеобщая воинская повинность. Она сблизила армию съ широкими слоями общества. Сближенію этому значительно помогли и знаменитыя милотинскія (основанныя Д. А. Милотинымъ) общеобразовательныя военные гимназій, чуждыя специфически-кастового военнаго духа. Слѣшно вспомнить, какъ падали въ свое время и на всеобщую воинскую повинность, и на Милотина! Милотина же упрекали въ уничтоженіи «истинно-военнаго духа». Война 1877 года однако доказала совершенно противоположное.

Таковы были отличительныя, характерныя черты государствен-

ных преобразований, проведенных Александром II: освобождение и развитие личности и общественности, переработка внутреннего строя на началах человечности и, вообще, мирная работа *свирти* страны.

Многое было недокончено (аграрная реформа), многое (напримѣръ, судъ) потеряло искаженія, но въ этомъ вина уже позднѣйшихъ годовъ.

Мы не коснулись вѣдшихъ событій въ Россіи за время царствованія императора Александра II. Ихъ было не мало: парижскій трактатъ, завоеваніе азиатскихъ государствъ—Коканда, Ферганской области, окончательное покореніе Кавказа; но блескъ и слава этого царствованія не въ нихъ. Нельзя однако не упомянуть о русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг.: эта война, начавшаяся вследствие желанія помочь гонимымъ единовѣрцамъ, тоже послужила немалымъ толчкомъ къ пробужденію общественности. Политическіе результаты ея, въ видѣ берлинскаго трактата, были ничтожны, но ея идейность и широкое общественное движеніе, которое охватило тогда Россію и заставило русскихъ людей сознаться и съ искреннимъ желаніемъ идти противъ турокъ во имя свободы гонимыхъ собратьевъ—все это дало поводъ отмѣтить и эту войну, какъ одно изъ крупнѣйшихъ событій въ царствованіе Царя-Освободителя.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ скончался онъ. Но оглянемся на эти прожитые годы: не кажется ли намъ, что онъ скончался всего лишь въ прошломъ году?

Не существуетъ ли прямой преемственности между его временемъ и нашею эпохою? Не стоимъ ли мы лицомъ къ лицу съ тѣми же самыми вопросами и реформами, начало которыхъ положилъ онъ?

Вотъ, напримѣръ, крестьянскій вопросъ. Освобожденіе крестьянъ ждетъ своего продолженія, и Россія теперь такъ же, какъ и въ

1861 году, испытываетъ необходимость разрѣшенія крестьянскихъ земельныхъ дѣлъ и устройства крестьянъ на новыхъ началахъ.

Вотъ вопросы образованія. Завѣты Милотина и Широкова свѣжи у насъ въ памяти, и мы жаждемъ обновить школу, именно, по этимъ завѣтамъ. Мы возстаиваемъ университетскій уставъ 1864 года.

Вотъ вопросы самоуправленія. Нужно ли говорить, что мы ждемъ дѣйствительнаго развитія завѣданныхъ намъ Царемъ-Освободителемъ началъ: мы хотимъ идти впередъ и ждемъ участія не только въ самоуправленіи общественномъ, но и въ управленіи государственномъ.

Вотъ, наконецъ, вопросы личности и общественности. Личность опять поднимается: мы становимся полноправными и знающими свои права гражданами; общественность у насъ достигаетъ апогея своего развитія; стремленіе объединиться въ союзы, общества, партіи охватило всѣхъ насъ съ небывалою силой.

И такъ во всемъ. И невольно думается, что Россія живетъ сейчасъ прямымъ продолженіемъ 60-хъ, 70-хъ годовъ. Мы оглядываемся туда и сиквозъ мгау минувшей четверти вѣка любовно протягиваемъ руки эпохѣ Царя-Освободителя, который заложилъ своими реформами прочный фундаментъ всѣхъ нашихъ четырехъ свободъ.

Эпоха промежуточной четверти вѣка исчезаетъ. Но зачѣмъ же она была? Зачѣмъ же мы допустили нашу исторію такъ напрасно постарѣть на 25 лѣтъ?

Увы! Виною этому была трагическая кончина Царя-Освободителя. Если бы мы сохранили его, если бы не было страшнаго 1-го марта 1881 года, развитіе страны шло бы нормальнымъ путемъ. Исторія была бы мложе на четверть вѣка, а мы были бы на четверть вѣка старше!

Сказка о шести свадьбахъ.

Жилъ да былъ ученый докторъ, и звали его д-ръ Готфридъ Бухманъ. Кромѣ здоровой, рослой жены и маленькаго тицеславія, у него было шестеро взрослыхъ дочерей.

Д-ръ Бухманъ рѣдко бывалъ доволенъ. Жизнь его была печальна, безвѣстная, и се отравлялъ ему цѣлый рядъ кредиторовъ, которые, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу самыхъ пунктуальныхъ людей на свѣтѣ. Въ домѣ Бухмана уже не разъ собирався семейный совѣтъ. Оттилія, старшая изъ дочерей, вышла изъ возраста дѣвскихъ болѣзней и уже двадцать семь лѣтъ праздновала Рождество,—день, въ который она и родилась.

Оттилія должна выйти замужъ! Вотъ что всегда служило предметомъ обсужденій. Но за кого? Какъ извѣстно, пылкіе мужчины очень испорчены, а потому совѣтъ не хотѣлъ жениться. Докторша Бухманъ это знала наизусть.

— У грековъ и римлянъ было то же,—въ видѣ утѣшенія рѣшился вставить Готфридъ.

— Ахъ, что ты вѣчно толкуешь о своихъ грекахъ и римлянахъ. Гы бы ужъ давно могъ выдать замужъ дочекъ, если бы не мѣтилъ такъ высоко.

— Мои дочери не могутъ выйти замужъ за перваго встрѣчнаго.

У д-ра Бухмана была своего рода гордость.

Какъ-то разъ Оттилія вошла въ его кабинетъ.

— Что тебѣ, милое дитя?

— Папа, я уже давно обсуждаю наше положеніе и рѣшила, что его нужно измѣнить. Намъ въ домѣ шестеро дѣвушекъ, и ни одна не зарабатываетъ ни гроша. Ты не позволяешь намъ поступить на мѣсто. И такъ, намъ не остается ничего, кромѣ замужества. И, какъ старшая, положу начало. Я обручусь съ Фрицемъ Вагнеромъ, нашимъ булочникомъ.

— Что-о-о?

Старый Бухманъ такъ и подскочилъ на мѣстѣ.

— Да, папа, съ нашимъ булочникомъ. Правда, онъ не знатокъ жизни древнихъ грековъ и римлянъ, но его дѣло идетъ хорошо. Если я выйду за него замужъ, ты не только отдалаешься отъ одной дочери, но и отъ одного кредитора. И какъ было бы хорошо, если бы мои сестры вышли замужъ такъ же разумно.

— Да вѣдь это ужасно. Скажи мнѣ, ты не боишься?

— Ничуть. Я выхожу замужъ за моего Фрица. А если онъ непременно захочется читать Платона, я могу это дѣлать и въ деканатѣ. Къ тому же знаю тамъ такъ пріятно-тепло.

— Я вижу, мое дитя, что ты потеряна для меня.

— Или спасена. Мама уже радуется, что у васъ всегда будетъ хлѣбъ. Знаешь ли ты, сколько хлѣба мы съѣдаемъ въ годъ?

— Ну, тогда мнѣ дѣйствительно лучше отпустить тебя.

Оттилія вышла замужъ за булочника.

Отмена конституціи въ Венгріи.

(Политическое обозрѣніе).

Политическое развитіе Европы идетъ чрезвычайно неровно: какъ разъ въ то время, когда Россія вводитъ у себя конституціонный образъ правленія, въ сосѣдней съ нами Венгріи конституція отменяется на неопредѣленное время, и возстановляется суровый абсолютизмъ. О первоначальныхъ поводахъ и постепенномъ развитіи разлада между венгерскими парламентомъ и пра-

Альму, вторую дочь, взялъ за себя Францъ Гейнеръ, поставлявшій мясо семьѣ Бухманъ.

Теперь, въ этомъ прежде такомъ тихомъ домѣ, часто происходили масленіи пирушки, и въ немъ замѣчалось такое же изобиліе бифштексовъ, какъ и латинскихъ цитатъ.

Эмма, третья, вышла замужъ за торговца колоніальными товарами и, благодаря этому шагу, погасила долгъ въ 223 марки 63 пфенга.

Теперь въ домѣ Бухмана сыръ и колбаса не играли никакой роли.

Когда, во время ужина, докторша Бухманъ спрашивала мужа: — Какого сыра ты хочешь—швейцарскаго или овечьяго?

Готфридъ презрительно отвѣчалъ:

— Ахъ, нѣтъ, я предпочту лососину.

Вотъ до чего дошло въ семьѣ Бухмана!

Четвертая, Минна, съ точки зрѣнія стараго Бухмана, вышла замужъ неудачнѣе всѣхъ. Она обвѣнчалась со столяромъ.

— Ну, какую выгоду принесетъ онъ намъ?—съ досадою спрашивала докторъ.

По, когда въслѣдствіи въ домѣ Бухмана многое было обновлено и заново отпотиловано, когда вмѣсто разваливъ кухоннаго шкафа появился чутъ ли не буфетъ, Готфридъ Бухманъ покорился судьбѣ.

Эльза, пятая, выбрала полотношника. Это было прекрасно, потому что теперь докторша Бухманъ имѣла возможность обзавестись для всей семьи чуднымъ бѣльемъ.

Осталась только Анна—послѣдняя дочка.

— Ну, относительно ея мы можемъ позволить себѣ роскошь,—замѣтилъ Готфридъ Бухманъ.

— Какъ такъ?—спросила его милая жена.

— Она могла бы выйти замужъ за фотографа или за зубного врача. Тогда у насъ всегда были бы прекрасные портреты, или мы могли бы постоянно пломбировать себѣ зубы. Вѣдь все необходимое у насъ есть.

— Да,—отвѣтила жена:—а кто поставяетъ намъ зимою уголь?

И какъ разъ такъ случилось, что Рихардъ Денкеръ, торговецъ углемъ, искалъ себѣ жену. Словомъ, вскорѣ всѣ шесть дочекъ пристроились.

И вотъ, отирая набѣжавшую слезу, докторша Бухманъ сказала: — Это была воля неба!

Тамъ старые Бухманы, ушисывая даровые хлѣбцы, бифштексы, сыры, лососи, важно покоясь на новыхъ креслахъ и стульяхъ, кутая свое разнѣжаченное тѣло въ толстое бѣлье и окруженные нѣсколькими дюжинами чучковъ и правнуковъ, чувствовали себѣ въ тебѣ и холѣ и дышали свободѣ безъ древнихъ грековъ и римлянъ.

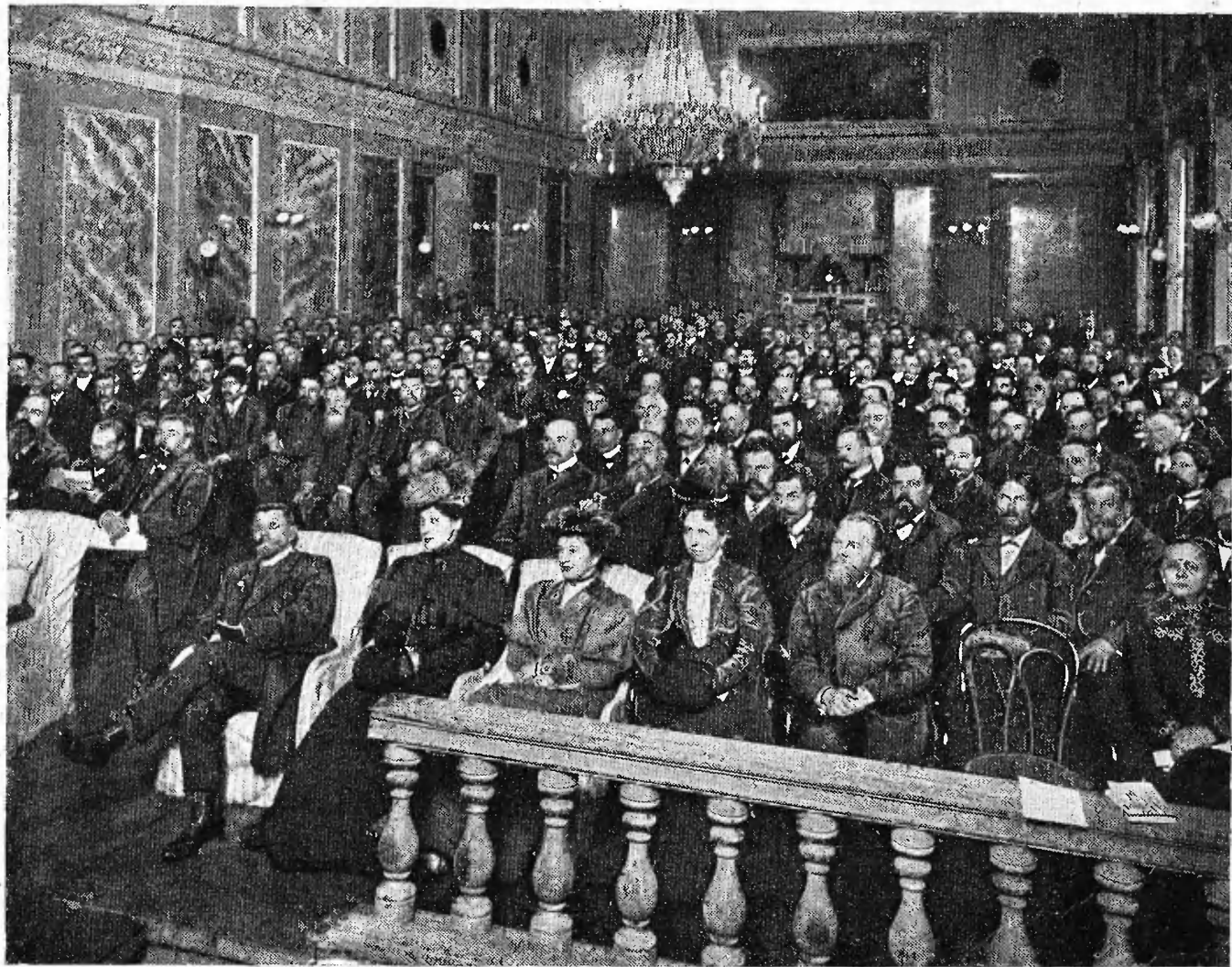
вительствомъ императора Франца-Иосифа читатели помнятъ по предшествовавшимъ обозрѣніямъ. Вобщемъ надежды на возможность примиренія, поддерживаемыя въ теченіе долгаго времени аудіенціями Кошута и другихъ руководителей оппозиціонной парламентской коалиціи и бесѣдами ихъ съ престарѣлымъ императоромъ, въ концѣ концовъ не оправдались. Вопросъ о введеніи въ венгерской арміи команды на венгерскомъ языкѣ взмѣнилъ нѣмецкаго, въ сущности, превратился въ вопросъ объ отдѣленіи венгерской арміи отъ австрійской, потому что раззорѣніе команды уничтожаетъ всякое единство дѣйствій, оставая только возможность

союзного слияния между независимыми друг от друга и внутренне обособленными армиями. В данном случае домогательства национального самолюбия венгерцев несомненно столкнулись с самым существенным интересом короны. Несмотря на все свое миролюбие, пойти на уступки не хотела, да и не могла, ни та, ни другая сторона, так как для венгерцев подчинение именной военной команды означало бы отказ от мечты о независимой национальной государственности, а для австрийского правительства допущение венгерской команды в половинки наличных корпусов было бы почти равносильно разрыву унии. Исползовать все средства к мирному соглашению, императорское правительство прибыло к последнему, оставшемуся в его распоряжении: к распусчению парламента и временной отмене конституции.

Слух об этой разительной мере распространился в Буда-

пеште, депутатов и публику. Публика шумела, шла пёсно Коллута. Гонимые заняли вслѣд затѣм все помѣщеніе парламента, послѣ чего войсками были очищены также и окрестности парламента. Протестующей публики было, впрочемъ, немного, и вся демонстрація ограничилась только бурными аплодисментами по адресу выходящихъ депутатовъ графа Алоны и Андраши, передъ которыми несли траурное знамя.

Такимъ образомъ изъ попытки защитить достоинство народнаго собранія передъ силою штыковъ, въ концѣ концовъ, ровно ничего не вышло. Населеніе венгерской столицы отнеслось къ событію довольно холодно. Очевидно, между парламентомъ и страной есть какое-то глубокое разномысліе, а безъ твердой опоры въ населеніи всякіе протесты совершенно безсильны. На духовное одиночество парламента указываютъ отчасти и произведенная наканунѣ его закрытія демонстрація предводимая социалистами довольно много-

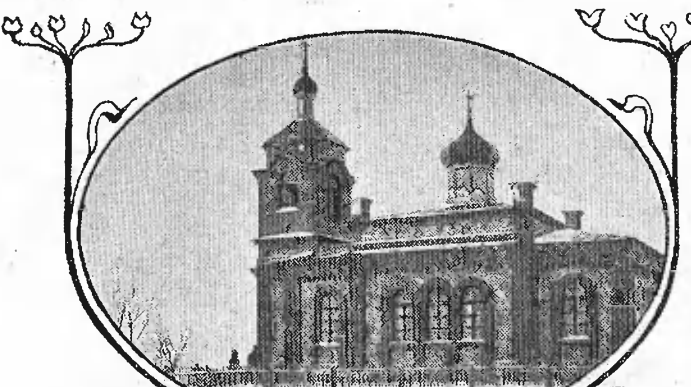
Къ выборамъ въ Государственную Думу. Засѣданіе съѣзда торгово-промышленной партіи въ Москвѣ.

Пештъ за нѣсколько дней ранѣе и вызвалъ большое волненіе среди депутатовъ. Они рѣшили приготовиться къ «сопротивленію до послѣдней крайности», исполнить свой долгъ избранниковъ народа до конца и добровольно не сдаваться насилію войскъ. Предсѣдатель палаты Юсть приказалъ разорвать телефоны, соединяющіе ее съ министерствомъ, запереть все ворота, двери и не впускать войскъ и пр. Однако же въ самый день распусценія воинственный предсѣдатель даже не явился въ палату, сказавшись больнымъ, и его обязанности долженъ былъ исполнять вице-президентъ Раковский. Онъ торжественно заявилъ собранію, что зданіе парламента окружено войсками въ полномъ боевомъ вооруженіи, съ боевыми патронами въ ружьяхъ, и что два офицера подали ему отъ имени королевскаго комиссара два пакета. Такъ какъ передача императорскихъ рескриптовъ комиссарами закономъ не установлена, а должна состояться черезъ правительство, то палата единодушно выразила протестъ противъ нарушенія закона и постановила возвратитъ пакеты комиссару пераспечатанными. Затѣмъ было назначено собраться на 8 февраля, и собраніе объявлено закрытымъ.

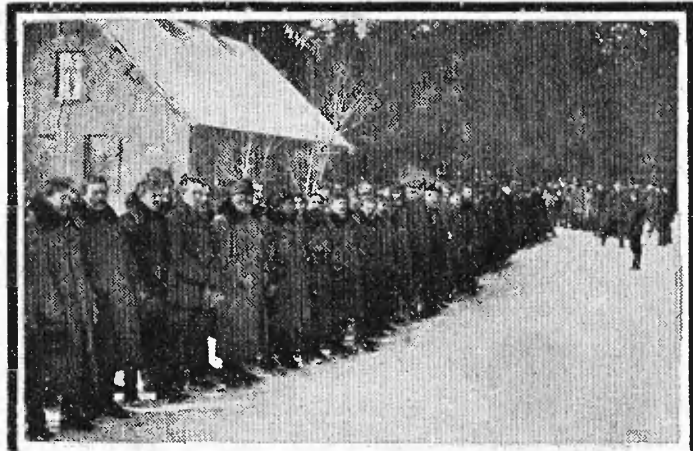
Черезъ пять минутъ послѣ закрытія засѣданія и послѣ того, какъ большинство депутатовъ покинуло залу, появилась полиція и одновременно съ нею полковникъ гонведовъ въ сопровожденіи четырехъ солдатъ съ прикнутыми къ ружьямъ штыками. Полковникъ, прочитавъ передъ почти пустыми скамьями рескриптъ, приказалъ

численной толпы, которая разбила окна въ национальномъ казино при крикахъ: «да здравствуетъ общее избирательное право!»

Самый неконституціонный пунктъ королевскаго рескрипта заключается въ томъ, что, объявляя распусценіе парламента, онъ не указываетъ срока для назначенія новыхъ выборовъ. Такимъ образомъ, страна съ конституціоннымъ правленіемъ на неопредѣленное время остается безъ законнаго правительства, дѣйствующаго въ согласіи съ избранниками народа. Иного пути передъ правительствомъ не было, потому что новые выборы несомненно повели бы къ еще большому усиленію кошутовской партіи независимыхъ, съ которой оно борется. Королевскій комиссаръ можетъ угрожать, что разгонитъ военной силой всякую попытку собрать распусценію палату, но замѣнить собою законное правительство не въ его силахъ, а между тѣмъ все партіи уже издають манифесты о томъ, что прекращеніе дѣятельности парламента является въ то же время прекращеніемъ дѣйствія и самой конституціи, и что распусценіе исполнительной власти, выходящая за предѣлы предоставленныхъ ей закономъ правъ, не могутъ налагать на гражданъ законныхъ обязанностей, не могутъ требовать отъ нихъ взноса податей, исполненія военной повинности и т. д. Войдя въ противорѣчіе съ закономъ, правительство уже повсюду должно идти все дальше и дальше по пути открытаго насилія. Въ виду противодѣйствія со стороны городской думы, начальники полиціи, Рудай, закрывъ городское самоуправленіе «за превышеніе гра-

Леневарденская церковь, гдѣ собирались революціонеры.

Крестьяне, пришедшіе съ повинной.

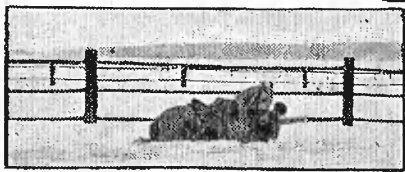
Уничтоженіе арестованнаго у мятежниковъ оружія.

Арестованные Анна Кростинъ и Петръ Боровскій обвин. въ порчѣ ж.-д. пути.

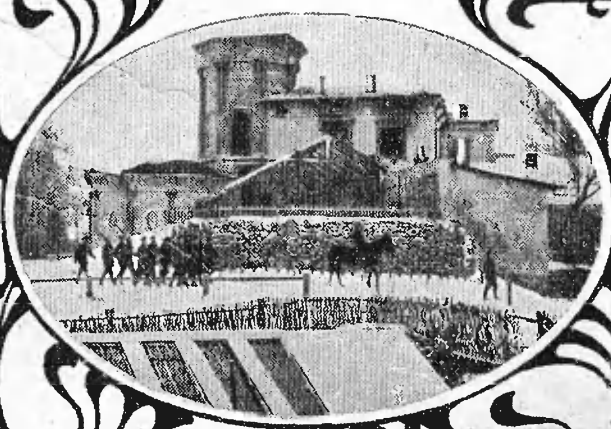
Раненый лейтенантъ кн. Путятинъ, начальникъ карательнаго отряда.

Раненая драгунская лошадь.

Внутренность зала замка Юнгфрауенгофъ.

Сгорѣвшій замокъ Рингмундсгофъ во время обыска морскимъ охраннымъ отрядомъ.

Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. По фотографіямъ спеціального корреспондента К. Булла.

Постные дни в Москвѣ. Грибной торгъ. По фот. А. П. Савельева.

ницъ, поставленныхъ закономъ для дѣятельности муниципалитета», всѣ функціи котораго переданы полицейскому комиссару, причѣмъ полиція захватила также и 5 миллионъ гульденовъ городской кассы. Непримиримый тонъ венгерской печати привелъ къ цѣлому ряду конфискацій газетъ и запрещенію уличной розницы. Всѣ эти мѣропріятія правительства, выстѣ съ объявленіемъ о вступленіи въ силу торговыхъ договоровъ безъ утвержденія парламентомъ, понимаются обществомъ, какъ фактическое начало абсолютизма. Горячіе протесты конституціоналистовъ нигдѣ не идутъ далеко словъ, если не считать пустышной студенческой демонстраціи съ двумя ранеными. Воззваніе Конута къ содѣйствію защитѣ венгерской конституціи, обращенное къ другимъ націямъ, остается безъ всякаго отклика, и пока всюду царитъ невозмутимая тишина, поднимающая духъ вѣскаго правительства и близкихъ къ трону военныхъ сферъ. Но что принесетъ странѣ все это столкновеніе въ будущемъ—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, международное значеніе Австро-Венгріи значительно умалится внутренней борьбой, пожирающей двусединую монархію.

Любовь жаждетъ побѣды. (Рис. на стр. 132).

Любовь жаждетъ побѣды. Тернистый путь сомнѣній, ревности, страданій пройденъ, слова любви сказаны, но на пути къ счастью стала грозная воля отца. «Я не допущу этого брака!»—сказалъ онъ:—я не хочу, чтобы моя дочь, дочь дворянина и сановника, стала женою какого-то рагвену!»

И вотъ этотъ рагвену пришелъ къ нему дать послѣднее сраженіе: просить прямо и открыто руки его дочери. И несмотря на гнѣвъ старика, на его сопротивленіе, смѣлый юноша побѣдилъ, потому что на его сторонѣ великое право любви. Счастливая любовь—великая сила: она озаряетъ своего избранника ореоломъ красоты и поэзіи и превращаетъ его изъ забитаго бѣдняка въ гордаго завоевателя. Она даетъ ему и союзниковъ: мать любимой нѣмъ дѣвушки уже перешла на его сторону, уже заступается за него предъ суровымъ старикомъ. Еще немного—и дрогнетъ старый отецъ подъ дружнымъ натискомъ молодости и побѣждающей любви—и свершится полное торжество того, кто вошелъ къ нему въ домъ презрѣннымъ рагвену, а выйдетъ гордымъ аристократомъ любви.

Постные дни в Москвѣ. Базаръ. Шлаши съ баранками. По фот. А. И. Савельева.

Въ тяжелую минуту.

(Рис. на стр. 133).

Море бушуетъ вотъ уже цѣлыхъ три дня. Прошла пятница, минута суббота, настало воскресенье—буря все еще не утихаетъ, и сѣдые волны съ ревомъ кидаются на песчаный берегъ. Рыбаки уѣхали на ловлю два дня тому назадъ—а ихъ все еще нѣтъ и сегодня! Поутру показались парусы на горизонтѣ—и обрадованная мать и дочь бросились въ праздничномъ платьѣ на берегъ встрѣчать отца. Но парусъ исчезъ во мгнѣ буря—и опять надежда гибнетъ, и въ сердцѣ поднимается слѣпой ужасъ.

Въ эту тяжелую минуту кипунисъ обѣ онѣ къ подножію креста, и горячая мольба ихъ несется къ небу—и замираетъ въ пространствѣ холодной земли, заглушаемая воплями буря.

Таково содержаніе эффектной картины французскаго художника Альфреда Гюлю.

А. С. Аренскій.

(Портр. на стр. 143).

12 февраля, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался близъ Герриокъ (въ Финляндіи) известный композиторъ Антонъ Степановичъ Аренскій на 45 году жизни, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта; отъ его пера можно было бы еще многого ожидать, но и оставленнаго имъ достаточно, чтобы включить его въ рядъ плодотворныхъ дѣятелей на поприщѣ русской композиціи. Подобно большинству нашихъ композиторовъ, покойный культивировалъ всѣ роды музыкальнаго письма, начиная съ романсовъ и кончая операми; многія изъ его произведеній пользовались заслуженной репутацией и неоднократно исполнялись какъ на концертныхъ эстрадахъ, такъ и на оперныхъ сценахъ. Кроме того, А. С. зарекомендовалъ себя и какъ серьезный теоретикъ, оставивъ два капитальныхъ труда: «Руководство къ практическому изученію гармоніи» («Тысяча задачъ» къ этому руководству) и «Руководство къ изученію формъ инструментальной и вокальной музыки».

А. С. Аренскій родился 30 іюня 1861 г. въ Нижнехъ-Новгородѣ. Родители его хорошо играли: отецъ (докторъ) на віолончели, мать—на роялѣ. Музыкальные способности онъ сталъ обнаруживать очень рано; семи лѣтъ онъ уже прилично игралъ, а десяти—проявлялъ задатки композиціи. Въ Петербургѣ онъ сначала занимался теоріей музыки у Зикко, а затѣмъ, по окончаніи гимназіи, поступилъ въ консерваторію, гдѣ учился у Югансена и закончилъ блестяще у г. Римскаго-Корсакова, получивъ за капиту къ экзаменамъ малую золотую медаль. Въ 1882 г. онъ уже былъ приглашенъ преподавателемъ

А. С. Аренский († 12 февраля с. г.). По фот. Рентца и Шрадера.

лемъ въ московскую консерваторію по классамъ гармоніи и контрапункта, а впоследствии состоялъ профессоромъ энциклопедіи, фуги и свободного сочиненія; въ Москвѣ же онъ, между прочимъ, дирижировалъ въ теченіе шести лѣтъ концертами мѣстнаго хорового общества, коего онъ состоялъ почетнымъ членомъ.

Въ девятидесяти годахъ онъ переселился въ Петербургъ, вскорѣ былъ назначенъ управляющимъ Пѣвческой канцелліи и въ этой должности состоялъ шесть лѣтъ (1895—1901). Какъ композиторъ, покойный Аренскій ставилъ себѣ образцомъ Чайковского и во многихъ случаяхъ весьма чувствительно подпадалъ подъ его влияние, и онъ действительно имѣлъ съ нимъ много общаго по манеру письма; но это мало говоритъ о самостоятельности творчества; во всякомъ случаѣ, большинство его произведеній, если не свидѣтельствуемъ объ оригинальномъ талантѣ и о богатомъ родникѣ мелодическаго дара, все же отличается благородствомъ стиля и изяществомъ фактуры. Больше онъ сказался въ мелкихъ произведеніяхъ (романсы, фортепьянные пьесы), изъ которыхъ многія пользуются значительной популярностью, чѣмъ въ крупныхъ (оперы, симфоніи), а написалъ онъ очень много сочиненій, изъ которыхъ назовемъ главнѣйшія.

Три оперы: «Сонъ на Волгѣ» (давалась въ московскомъ Большомъ театрѣ въ 1892 г.); «Рафаэлъ» (одноактная, поставленная въ Москвѣ любителями въ 1894 г. и у насъ на Марининской сценѣ послѣ того, какъ дана была въ благотворительномъ концертѣ въ залѣ Дворянскаго собранія) и «Чай и Дамаскъ» (оконченная въ 1899 г. и нигдѣ еще не поставленная); сюда же слѣдуетъ отнести «Бахчисарайскій фонтанъ» на пушкинскій сюжетъ (на этотъ же сюжетъ существуетъ опера г. Федорова, даная на югѣ), исполненный въ Таврическомъ дворцѣ, тоже въ одномъ изъ благотворительныхъ спектаклей. Затѣмъ имъ написаны: двѣ симфоніи, фортепьянное тріо, довольно часто исполняемое на концертныхъ эстрадахъ, фортепьянный квинтетъ, два струнныхъ квартета, концертъ для фортепьяно съ оркестромъ и фантазія (тоже) на русскія темы Рябинина, три сюиты для рояля, изъ которыхъ двѣ оркестровали авторомъ, шесть пьесъ для фортепьяно въ четыре руки и около 80 пьесъ для одного рояля. Романсовъ имъ написано, кажется, сорокъ; кромѣ того есть хоры («Анчаръ»), пьесы для скрипки, виолончели, а также нѣсколько духовно-музыкальных сочиненій.

В. Басинъ.

М. А. Зичи. (Портр. на этой страницѣ).

15 февраля скончался художникъ Михаилъ Александровичъ Зичи. Художникъ рѣдкій, прекрасный, обладавшій оригинальнымъ

и яркимъ дарованіемъ, полнымъ особой мягкости, граціи и чистоты. Скончался рѣдкой душой человѣкъ, обаятельный въ обращеніи, добрый, отзывчивый.

Служа вѣрой и правдой русскому искусству, любя Россію и постоянно живя въ ней (М. А. Зичи, какъ извѣстно, былъ русскимъ придворнымъ художникомъ), покойный былъ, однако, не русскимъ по происхожденію.

Онъ родился въ Венгріи (въ 1829 году); тамъ же, въ Венгріи, онъ получилъ и общее образованіе, окончивъ гимназію и университетъ въ Буда-Пештѣ. Художественнымъ же образованіемъ М. А. Зичи обязанъ вѣнской академіи художествъ, въ которой и были выставлены первыя его картины: «Выздоравливающая дѣвушка молится предъ образомъ Богоматери» и «Умиравшій рыцарь».

Въ Россію М. А. Зичи попалъ случайно. Въ 1845 г. онъ былъ приглашенъ великою княгиней Елѣной Павловной, въ бытность ея за границей, давать уроки живописи ея дочери, великой княжнѣ Екатерины Михайловны. Начавъ эту дѣятельность за границей, онъ пересѣхалъ затѣмъ, въ 1847 году, въ Петербургъ, гдѣ и основался довольно прочно, такъ какъ вскорѣ получилъ уроки и въ другихъ частныхъ домахъ.

Но чрезъ два года въ жизни художника произошла грустная перемѣна: онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего учительства и сталъ терять даже пугаду. Выдвинули его и заставили русское общество вновь обратить на него вниманіе, какъ это ни странно, французы. Въ 1858 году въ Петербургъ пріѣхалъ извѣстный писатель Теофиль Готье, познакомился съ Зичи и въ своей книгѣ «Voyage en Russie» указалъ на него, какъ на великолѣпнаго художника. Рекомендація вліятельнаго французскаго писателя имѣла успѣхъ. Зичи быстро пошелъ въ гору и чрезъ годъ уже былъ приглашенъ въ русскому Двору въ качествѣ придворнаго художника. Около того же времени

М. А. Зичи († 15 февраля с. г.). По фот. Рентца и Шрадера.

онь получили звание академика за свои акварели («Убитый волк» и «Лисица и Рысь»).

Должность придворного художника М. А. Зичи занимал до 1873 года; затем он уехал в Париж и пробыл там до 1880 года, когда опять вернулся в Россию и занял прежнюю придворную должность. Будучи за границей, М. А. Зичи написал по заказу венгерского правительства большую картину: «Австрийская императрица Елизавета возлагает венок на гроб Деака».

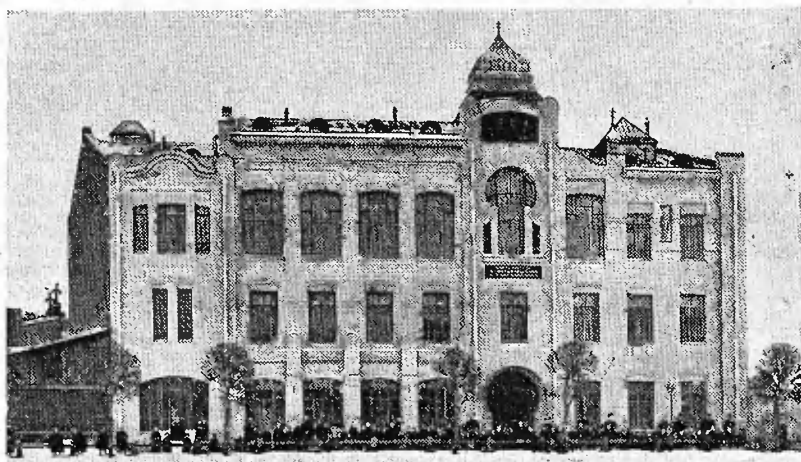
Начиная с 1880 года и до конца своих дней, М. А. Зичи состоял придворным художником. Жизнь трех покойных государей, при которых он был почти безотлучно, все зарисована его карандашом и акварелью. М. А. работал с необыкновенной быстротой. Его эскизы и наброски, увлекательные разные сцены из придворной жизни: охоты, поезда, торжества и т. п., воспроизводят эту жизнь поразительно правдиво и в то же время в высшей степени художественно.

В России, в широкой публике, М. А. Зичи знали, собственно говоря, лишь как автора прелестных иллюстраций к «Демону». Зичи, вообще, любил Лермонтова и, кроме «Демона», создал целый ряд рисунков к другим лермонтовским произведениям, в особенности к «Герою нашего времени». Но кроме этих, ставших популярными, рисунков, он оставил не мало других

кто знал покойного. Все мы жальем о его кончине, и в памяти нашей навсегда останется светлый образ этого истинно-преданного своему искусству художника и душевного человека!

В лице М. А. Зичи русский художественный мир лишился одного из самых видных своих представителей, русское искусство — одного из преданных и пламенных поборников, а все русское общество — редкой души человека, посвятившего своей второй родине лучшие годы своей жизни.

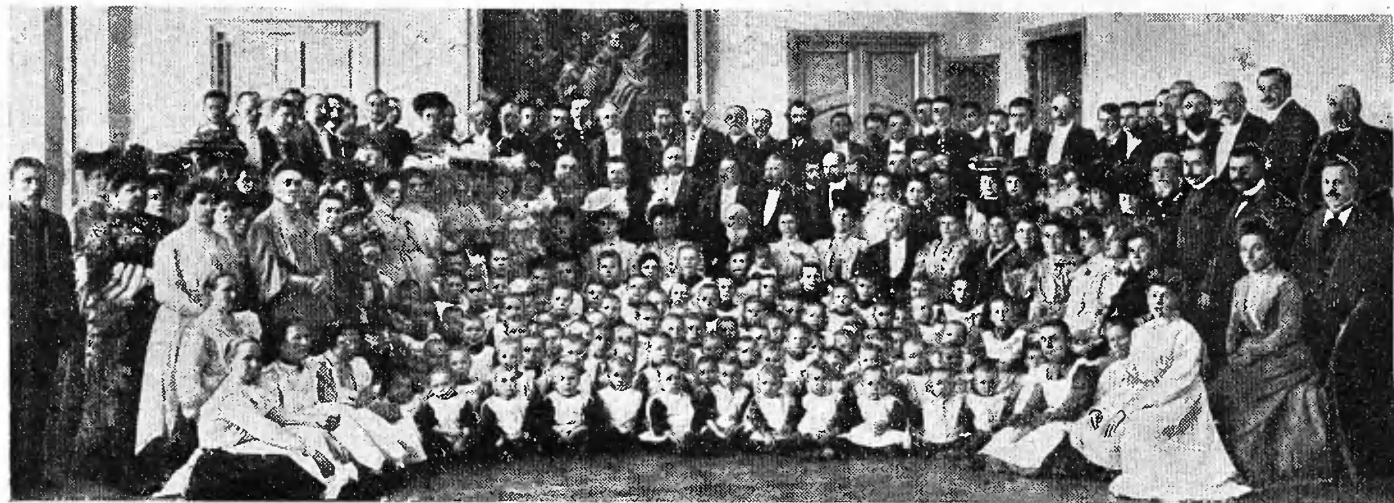
Освящение приюта Общества попечения о безприютных дѣтяхъ. (Съ 2 рис. на этой стр.).

Приютъ Общества попечения о безприютныхъ дѣтяхъ. Фасадъ зданія приюта. По фот. К. Булла.

29 января с. г. состоялось торжественное освящение дома и церкви при приюте имени великой княжны Марии Николаевны, основанном по инициативе Общества попечения о безприютныхъ дѣтяхъ.

Приютъ находится въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, на набережной Ядаловки, и помѣщается въ большомъ трехэтажномъ зданіи. Приютъ разсчитанъ на 200 дѣтей, но пока въ немъ нашли убѣжище всего лишь 125 дѣтей. Большинство ихъ — круглые сироты, оставшіяся послѣ войны, убитыхъ во время минушей войны. Немало дѣтей подобрано прямо съ

Къ освященію зданія приюта Общества попечения о безприютныхъ дѣтяхъ.

прекрасныхъ композицій, менѣе извѣстныхъ: таковы его «Мессія и Лютеръ въ Вартбургѣ», «Еврейскіе мученики», «Флорентійская оргія», «Смерть царя Кандавлы», «Послѣднія минуты Вертера» и др. Въ Венгріи М. А. Зичи знаютъ еще, какъ автора превосходныхъ иллюстрацій къ балладамъ венгерскаго поэта Ракоци.

М. А. Зичи былъ дѣятельнѣйшимъ и давнишнимъ сотрудникомъ «Нивы». Въ тѣ времена, когда нашъ журналъ давалъ своимъ подписчикамъ въ видѣ премій картины, четыре изъ этихъ картинъ принадлежали М. А. Зичи: это были «Шляска Тамары», «Тахара, оплакиваемая родными», «Тарась и Андрей на ночь битвы» («Тарась Бульба») и «Свиданіе во время осады» (тоже). Картины эти, разошедшіяся по Россіи въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, несомнѣнно, значительно способствовали развитію и подъему художественнаго чувства въ массахъ населенія. Какъ и во всѣхъ произведеніяхъ Зичи, въ нихъ было много чисто художественной красоты, утонченной граціи и изысканности.

Жаль терять такихъ людей! Такова первая мысль, которая приходитъ въ голову при извѣстіи о кончинѣ хорошаго, милаго и нужнаго для жизни человека. Эта мысль навѣстила, конечно, всѣхъ,

улицы. Въ приютѣ принимаютъ дѣтей въ возрастѣ отъ одного года.

Зданіе приюта построено безвозмездно архитекторомъ-академикомъ Р. Р. Марфельдомъ на средства, собранныя Обществомъ въ теченіе 8 лѣтъ. Домъ отличается солидностью постройки, обиліемъ свѣта и воздуха, столь необходимымъ для укрѣпленія силъ и здоровья худосочныхъ, изуродованныхъ дѣтей нашихъ подваловъ и чердаковъ. Для больныхъ дѣтей въ отдѣльномъ домѣ помѣщается лазаретъ. При домѣ находится садъ, планъ для игры и хорошенка церковь, устроенная на средства купца Н. О. Чурьева.

Торжество освященія дома и церкви носило семейный характеръ. На торжествѣ открытія приюта присутствовали многія лица, содѣйствовавшія устройству этого знаменитаго учрежденія, и между ними извѣстный ученый и общественный дѣятель, М. И. Михельсонъ, состоящій предсѣдателемъ совѣта Общества попечения о безприютныхъ дѣтяхъ. По его инициативѣ основанъ этотъ приютъ, въ устройствѣ котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: На томъ берегу. Повѣсть ланскихъ дѣлъ. П. П. Гибдича. — Царь-Освободитель. — Сказка о шести свадьбахъ. — Отмена конституціи въ Венгріи. (Политическое обозрѣніе). — Любовь жаждетъ побѣды. — Въ тяжелую минуту. — А. С. Аренскій. — М. А. Зичи. — Освященіе приюта

Общества попечения о безприютныхъ дѣтяхъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: Милостивыя государыни и милостивые государи! — Любовь жаждетъ побѣды. — Въ тяжелую минуту. — На стражѣ. — Царь-Освободитель. Къ 25-лѣтію дня мученической кончины. — Къ выборамъ въ Государственную Думу. Засѣданіе съѣзда Торгово-Промышленной партіи въ Москвѣ. — Революція въ Прибалтійскомъ краѣ. 1) Леновская церковь, гдѣ собирались революціонеры. 2) Уничтоженіе арестованнаго у мятежниковъ оружія. 3) Арестованные Анна Крестинъ и Петръ Боровскій. 4) Внутренность зала замка Юнгфрауенгофъ. 5) Крестьяне, пришедшіе съ повинной. 6) Раненый лейтенантъ кн. Путятинъ. 7) Раненая драгунская лошадь. 8) Сгорѣвшій замокъ Рингмундсгофъ во время обыска морскими охранными отрядами. — Постные дни въ Москвѣ. 1) Грибной торгъ. 2) Базаръ. Шашлыки съ баранками. — А. С. Аренскій. — М. А. Зичи. — Приютъ Общества попечения о безприютныхъ дѣтяхъ. — Къ освященію зданія приюта Общества попечения о безприютныхъ дѣтяхъ. — Къ этому № прилагаются: 1) «Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія» за февраль 1906 г., 2) «ПАРИЖСНІЯ МОДЫ» за МАРТЪ 1906 г. съ 35 рис. и отдѣльн. листъ съ 33 черт. выкр. въ натур. велич. и 39 рис. для руководѣльных работъ.